

«СКОЛЬКО раз вы выезжали в другие страны?» — «Не подсчитывал, вероятно, раз пятьдесят, а может, шестьдесят». — «Видели шестьдесят стран?» — «Нет, меньше. Двадцать семь». — «Как же так?» — «Да по тому, что в некоторых странах был по несколько раз. Три-четыре, а то и пять». — «Счастливы? Сколько повидали. В Италии были?» — «Были». — «А в Америке?» — «Тоже были». — «А в Японии?» — «В Японии не был». — «Непременно надо поехать. Говорят, очень красивая страна». — «Это от меня не зависит. Я ведь туристом нигде не ездил. Либо командировка на какой-нибудь конгресс, либо гастроль. Больше, конечно, гастролей». — «А какой народ вам больше всего понравился?» — «На этот вопрос ответить не могу. Плохих народов вообще нет. А плохие люди встречаются всюду».

Вот я и прошел почти весь круг вопросов, на которые мне обычно приходится отвечать, но редко когда задается главный вопрос: зачем и кому нужны эти гастроль?

Впервые я оказался за границей сорок восемь лет тому назад. Это были гастроль Музыкальной студии Московского Художественного театра в Чехословакии, Германии и Соединенных Штатах Америки. Осень и зима двадцать пяти — двадцать шестого годов. Эмигранты разных периодов возникали на Вацлавской площади, в Шарлоттенбурге или на Бродвее как нечто почти немислимое.

«Откуда вы?» — спросил меня человек с русско-американским акцентом. «Из Москвы». — «Не может быть!» — и человек выронил из рук сверток с сосисками. — «Будете жить в Нью-Йорке?» — «Нет, в мае едем домой». — «Куда?» — «В Москву». — «Как, в Москву? У нас же перспективы. Вы что, коммунист?» — «Нет, беспартийный». — «И все-таки возвращаетесь?» — «Конечно». Человек поднял с пола сосиски и вышел в вертящиеся двери. Я подошел к прилавку и с трудом произнес: «Гив ми плиз ту хот догс — дайте мне, пожалуйста, две горячие собаки». Горячими собаками американцы называют сосиски.

Английские слова входили в мои уши, как входят они в уши годовалого ребенка, но за пять месяцев гастролей их накопилось так много, что я уже мог «болтать» с хозяином кафе-терия. В Германии слова всплывали в мозгу, поднимаясь со дна уроков немецкого языка в реальном училище. С каждым днем их становилось больше, и они нанизывались, превращаясь в целые фразы со всеми плюсквамперфектами. Я мог ходить в гости, дурил с детьми на бульваре. Учил их, как играть в чижика.

В июле 1941 года был первый воздушный налет на Москву. Мы с соседом по подъезду кинорежиссером Сергеем Юткевичем дежурили на крыше многоэтажного дома на улице Немировича-Данченко. Сбрасывали во двор зажигалки. Я родился в этом городе. Каждый взрыв фугаски понимаю. Этот на Никольской, этот в районе вокзалов, а это Замоскво-

речье. Парашюты с осветительными ракетами висят над улицами, как гигантские люстры. Трансирующие пули светящимся пунктиром летят в небо, стараясь дотянуться до серебряных птиц, пойманных перекрестками блуждающих по небу прожекторных лучей. В каждой птице — летчики, кидающие бомбы на город. Неужели среди них те самые берлинские мальчишки, с которыми в двадцать пятом я играл в чижика?

Сразу же после войны Центральный театр кукол был командирован на гастроль в Берлин, Дрезден, Лейпциг. Знаю, конечно, что отправляемся мы уже в другую Германию. И все-таки слишком еще сильной была тогда почти биологическая память войны. Зачем нужно развлекать людей, среди которых могут быть и те, что вели осаду Ленинграда, и те, что бомбили Киев, Москву? Сотни, тысячи городов и сел моей страны.

На вокзале нас встретили цветами и улыбаками. Ну что ж, разве трудно купить цветы? А растянуть в улыб-

чит, во что бы то ни стало надо вынуть из сердца немецкой девочки занозу этого условного рефлекса. Но можно это сделать только в том случае, если и из своего сердца я выну занозу моего условного рефлекса: немец — враг.

Выходит, что нужно было ехать. Нужны были гастроль. И для немцев, и для нас. Если все мы действительно хотим мира, действительно хотим дружить, а это так, значит, мы не можем, ни один из нас не имеет права носить в своем сердце условный рефлекс вражды. Нельзя дружить, нельзя бороться за мир только теоретически, только декларациями, надо встречаться глазами, рука в руку, сердце в сердце.

С тех пор я много раз бывал в Берлине — столице братской Германской Демократической Республики. А в недавний приезд на встрече в обществе дружбы с нашей страной ко мне подошла незнакомая женщина лет тридцати или чуть больше. Подарила мне баночку с аквариумными рыбками и сказала: «Возьмите.

время Дней советской культуры, приуроченных к визиту Леонида Ильича Брежнева в ФРГ».

Что же это такое? Почему именно в Западной Германии наши спектакли вдруг вызвали дополнительные зрительские эмоции? Да потому, что заноза условного рефлекса «русский — враг» в Западной Германии все еще сознательно культивируется, сознательно внушается определенными кругами, и когда во время спектакля эта заноза уходит и русский ощущается другом, возникает радость. Не может не возникнуть. Ни в одной стране мира народ не может хотеть и не хочет войны. Не хотят матери, чтобы их дети кричали от страха. Не хотят жены стать вдовами...

Мы играем спектакли и для взрослых, и для детей. В Канаде, в Монреале спектакль «Волшебная лампа Аладина» пришелся как раз на новогоднюю ночь. Только ночь то эта была в Москве, а в Монреале еще день. Я вышел к детям и сказал: «Вечером вы будете встречать Новый год, и я вас поздравляю. Но солн-

бом, ставили скамейки, и весь импровизированный партер заполнялся то взрослыми, то детьми. А по окончании спектакля на всех актеров надевали огромные венки из золотых нитей и живых роз. Как-то среди детей мы увидели Неру, а потом все пришли к нему в гости. И забыть ту встречу невозможно. В деятельности официальных учреждений это называется «культурные контакты». Для меня это больше. Это радостная битва за дружбу. Глаза в глаза.

Десять с половиной тысяч километров мы с женой проехали по дорогам Америки, выступая в колледжах с сольными концертами. После каждого концерта за полночь сидели либо в студенческом общежитии, либо в квартире профессора, пили кока-колу или соду-виски и отвечали на тысячи тысяч вопросов. Мы были первые советские люди, которых они видели в очию. В столовой одного из колледжей висело объявление: «Сегодня у нас все русское». Был борщ и кусочки мяса, называвшиеся пашльком, а повар надел на голову тубетейку и подпоясал красным поясом белую рубашку.

После каждого спектакля в Италии или Франции, в Финляндии или Югославии, в Венгрии, Польше, Болгарии, Румынии, Англии, Египте, Сирии, Ливане, Индии, Голландии, Бельгии, Дании кулисы театра заполнялись зрителями. Взрослыми и детьми. Веселыми, возбужденными, удивленными, и мы снова и снова показывали им устройство кукол, подписывали автографы, отвечали на миллионы вопросов, и эти «контакты» были не менее нужны, не менее важны, чем только что прошедший спектакль. Десятки раз под нашими вагонами в Бресте или Чопе менялись колеса, чтобы мог вагон побегать дальше по заграничной коле. Десятки раз входили мы по трапам «Илов» и «ТУ», «Боннгов» и «Каравелл», десятки раз на границах и аэровокзалах вынимали из карманов «молокастый», серпастый советский паспорт».

Но ведь мы, наш театр — это только крупинка всех тех заграничных гастролей, которые проводятся нашей страной. Раньше, чем отдавать эту статью в газету, я позвонил в министерство культуры, и там мне сказали, что только за шесть месяцев этого года тысячи советских актеров, певцов, музыкантов гастролировали в 77 странах мира. 190 солистов разных жанров участвовали в международных конкурсах и фестивалях. В будущем году советское искусство будет представлено в 116 странах мира.

Так что же такое гастроль в разных странах?

Это не туристские впечатления, не «Эйфелева башня», не «фонтан Треви», не «пирамида Хеопса».

Нет. Это огромной значимости битва за дружбу и мир, прекрасная битва, оружие которой — искусство. Неоценимой силы оружие. И победы его неоценимы.

Наша страна, ее народ, наша партия и правительство делают все, что только можно, чтобы на земле был мир. Чтобы гасли очаги военных пожаров, где бы они ни возникали, чтобы расширялись культурные и деловые связи между странами и народами.

Недавно, будучи делегатом Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве, я слышал, как о роли именно нашей страны в борьбе за мир говорил буквально каждый делегат с трибуны и в кулуарах. И я горжусь тем, что мы, деятели советского искусства, участвуем в этой огромной борьбе.

Сергей ОБРАЗЦОВ,
народный артист СССР

Г Л А З А В Г Л А З А

ЗАМЕТКИ О ЗАРУБЕЖНЫХ ГАСТРОЛЯХ

Вы аквариумист. Это мои группы. Мы ведь с вами знакомы. Давно знакомы. Вы были в гостях у папы с мамой. Может, помните? Еще про канарейку спрашивали.

Теперь у меня десятки друзей и в Берлине, и в Дрездене, и в Лейпциге. Настоящих, больших друзей, а берлинская Академия искусств избрала меня по-

це в Москву приходит раньше, и в Москве уже через час наступит Новый год. Вот как раз тогда, когда на нашей сцене будет пустыня Магриба и выйдет на сцену лев».

За кулисами мы приготовили шампанское. У актеров на глазах слезы. До боли хочется в Москву. Наши родные садятся за праздничный стол, а нам

Встреча с коллективом миланского театра «Ла Скала».

четным членом-корреспондентом.

...Помню первое наше выступление в Западном Берлине. Господин Барлог, тогдашний руководитель «Шиллер-театра» Западного Берлина, предложил нам сыграть несколько спектаклей в его театре.

И вот первая встреча. Что же будет? Вежливо-холодный прием и корректные аплодисменты в конце? Оказалось все наоборот. Успех, да еще какой! 24 раза открывался и закрывался занавес, 24 раза выходили актеры на авансцену. Потом опустился тяжелый, толстый, железобетонный противопожарный занавес. И все равно не утихал зрительный зал. И открылась в этом занавесе маленькая, такая же толстая дверь. И все мы протиснулись в нее, чтобы снова выйти перед бушующим залом.

На следующее утро во всех газетах вышли рецензии. Не было ни одной злой, или скептической, или какой-нибудь подковыркой. А в одной было написано: «Это не просто театальный успех. Это успех политический. Русские и немцы два часа жили одним сердцем».

Такие же ощущения испытывали мы и на гастролях в Мюнхене во время Олимпиады, и в Дортмунде во

играть... Пустыня Магриба. Выходит лев. И вдруг из зрительного зала ребячий голос хором: «Хэппи нью иер!» — «С Новым годом!»

Как хотите расценивайте это. Для меня это и есть «дружба между народами».

...Много лет назад я ходил по Калькутте с фотоаппаратом. Кудрявый мальчишка лет десяти, нищий, хотел мне помочь, чтобы заработать. Показывал наиболее интересные, с его точки зрения, объекты. Я повел его на спектакль. Шла «Лампа Аладина». Он впервые оказался в театре. Услышал восточную музыку, похожую на музыку Индии. Увидел дворец, похожий на Тадж-Махал. Слона, такого же, как у них. После спектакля он убежал и прибежал с другим мальчишкой, таким же нищим, чтобы показать ему меня. Доказать, что он не врет. Я хотел дать им бананы, и апельсины, и персики. У нас их было много. Ребята ничего не взяли. Они были счастливы самой встречей с нами. С советскими, русскими. Этим ребятам сейчас уже, наверное, лет по двадцать. Уверен, что они этого не забыли.

В Индии наш театр ездил по многим городам, и в каждом городе для нас из циновок строили целые театры под открытым не-

15 ДЕК 1978

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТАБЛИЦА
г. Москва